

АСПЕКТЫ МОТИВИРОВАННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА

ОЛЕГ ГРИГОРЯН

Мотивированность слова—это «изображение», оценка, описание или толкование означаемого, содержащиеся в означающем. По формальному критерию возможно выделение следующих видов мотивированности: фонетическая, морфологическая, семантическая и морфолого-семантическая¹.

Фонетическая мотивированность² реализует изобразительные или оценочные потенции означающего. Остальные виды мотивированности сводятся к основному— семантической мотивированности, могущей быть или не быть выраженной морфологически³.

Мотивированность семантическая позволяет выражать в означающем оценку, описание или толкование означаемого—благодаря внутренней форме (в смысле А. А. Потебни) : «Внутренняя форма есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль»; «В ряду слов одного корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего»⁴.

В основе концепции мотивированности языкового знака лежит представление о несоответствии произвольных форм деятельности сущности естественного языка, безусловном приоритете сознательного над бессознательным в речевой и языкотворческой деятельности. «В создании языка нет произвола,— пишет А. А. Потебня,— а потому уместен вопрос, на каком основании известное слово значит то именно, а не другое»⁵.

Современные сторонники данной концепции зачастую не только теоретически признают мотивированность слова, но и пытаются проследить формы ее функционирования. Так, например, Е. А. Иванникова рассматривает значение мотивированности слова для дифференциации значений синонимов⁶, В. В. Левицкий—для сохранения слова при «ес-

¹ В. В. Левицкий, Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях («Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака», Л., 1969); С. Ульман, Семантические универсалии («Новое в лингвистике», вып. V, М., 1970) и др.

² А. П. Журавлев, Фонетическое значение, Л., 1974.

³ Классификацию видов мотивированности в планах статическом и генетическом, а также о диалектике форм мотивации см.: Э. Г. Аветян, Мера знаковости языка («Проблемы мотивированности языкового знака», Калининград, 1976).

⁴ А. А. Потебня, Мысль и язык («Эстетика и поэтика», М., 1976, с. 115).

⁵ Там же, с. 116.

⁶ Е. А. Иванникова, О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов («Лексическая синонимия», М., 1967).

тественном отборе»⁷, А. П. Журавлев—для выбора и употребления слова⁸.

Первичной, генетически, мотивацией является фонетическая⁹. Данный тип мотивации ориентирован на сферу экстралингвистического посредством звука языка, деривата естественного звука. Мотивация фонетическая связана, в определенной степени, с эмоциональной оценкой реалии. В дальнейшем эмоциональная оценка уступает место концептуальной, или, вернее, даже эмоциональная оценка стремится базироваться на определенном концептуальном представлении, содержащемся во внутренней форме. Впрочем, мотивация фонетическая не вытесняется полностью семантической, продолжая существовать (не очень часто) в форме непосредственной мотивации слова, экспрессивного «корректирования» концептуального значения (благозвучие и т. п.), а также в форме явления вторичного звуко-символизма¹⁰. Установленная в начале языко-творчества корреляция между звучанием и значением остается релевантной для становления, существования, «выживания», выбора слова в языко-творческой и речевой деятельности. Как пишет Э. Г. Аветян, «звуковое оформление слова находится в известном психологическом соответствии со значением. Оно как бы «к лицу» обозначаемому значению, не только в ассоциативном, но и в чисто эстетическом плане»¹¹.

Мотивированность слова, в плане генетическом не подлежащая сомнению, при синхронном функционировании слова становится факкультативной. Сильная психическая связанность слова с реалией делает необязательным осознание внутренней формы слова, способа его мотивации. Впрочем, здесь неправомерно утверждение об абсолютной немотивированности языкового знака, ибо отсутствие формальной связанности означающего с означаемым компенсируется мотивированностью знака в целом (или означаемого) по отношению к реалии. Данный тип мотивации выделен и обозначен Э. Г. Аветяном как «объективная», или «предметная» мотивация: «Условность, или наличие опосредованного пространства между обозначающим и обозначаемым не устраняется, но преодолевается корректной адресацией знаков объектам». Другим типом мотивации, не находящим формального выражения, является выделяемая Э. Г. Аветяном мотивация психологическая, связанная «с нашим непосредственным ощущением родного языка»: «Внутренняя языковая форма как языковое мироощущение, сопереживаемое вхождением имени в непосредственное восприятие мира, есть

⁷ В. В. Левницкий, указ. соч., с. 21—25.

⁸ А. П. Журавлев, указ. соч., с. 136 и сл.

⁹ А. М. Газов-Гинзберг, Был ли язык изобразителем в своих истоках? М., 1965; его же, Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака, М., 1974; А. П. Журавлев, Типы значений слова и их мотивированность («Проблемы мотивированности языкового знака», Калининград, 1976).

¹⁰ В. В. Левницкий, Семантика и фонетика, Черновцы, 1973.

¹¹ Э. Г. Аветян, Природа лингвистического знака, Ереван, 1968, с. 71.

вторичная мотивация той системы, элементы которой утратили, по-видимому, первоначальную мотивацию»¹².

Таким образом, утрату истоков мотивированности правомерно характеризовать не как произвольность знака, а как отсутствие синхронной формально выраженной связи между означаемым и означающим (для краткости — синхронная немотивированность). Объективная и психологическая мотивации — это предпосылка и условие нарушения формально выраженной связи означаемого с означающим, деэтимологизации.

Л. А. Булаховский отмечает следующие непосредственные причины деэтимологизации в русском языке: «материальные сдвиги в значениях», «утрата обстоятельств названия, нечеткость при переходе слова из одной социальной среды в другую и т. п.»; «расхождение стилистических сфер употребления соответствующих слов», факторы фонетические и морфологические, а также «некоторые особенности природы названия представлений (например, по сходству функций)». Деэтимологизации слова *коньки* (от *кони*) дается следующее объяснение: «название дано по сходству функции, а этот вид психической связи легко разрушается». Многие случаи деэтимологизации Л. А. Булаховский объясняет «большой условностью наименования», ее субъективностью и случайностью, т. е. факторами, которые можно трактовать как неудачное название: *решето* ← *решетка*, *веснушка* ← *весна*, *белка* ← *белый*, *рябина* ← *рябой*, *семенить* ← *семена* и др.¹³

Л. А. Булаховский проводит анализ с позиции современного говорящего. Думается, что понимание особенностей наименования как случайных, условных, субъективных не соответствует пониманию их авторами слов. Источник забвения внутренней формы, частично, в особенностях самих говорящих: представлении о «правильности» мотивации. (Возможно, естественно, не только забвение внутренней формы, но и ее исчезновение из языка, что влечет за собой деэтимологизацию).

Другим проявлением тенденции говорящих к толкованию и мотивации слов является народная и детская этимология, а также создание новых слов вместо уже существующих — немотивированных синхронно или мотивированных не так, как хотелось бы автору нового слова. Народной этимологии, как часто отмечается, подвержены, в особенности, слова иноязычного происхождения, т. е. не очень ясные по форме или семантике; «новая мотивация» (создание слова, совпадающего первоначально по значению со значением уже существующего слова) устремляется к *вещам*, вызывающим пристальный интерес по профессиональным или иным соображениям. Представляется возможным усматривать источник народной этимологии и «новой мотивации» в едином явлении: тенденции к толкованию или мотивации слов, направленной либо на слова, либо на вещи, представляющие особый интерес.

¹² Э. Г. Аветян, Мера знаковости языка, с. 13-14.

¹³ Л. А. Булаховский, Деэтимологизация в русском языке («Труды Института русского языка», т. 1, М. Л., 1949, с. 149—151, 153).

Несколько иначе обстоит дело с детской этимологией: ребенок «этимологизирует» любое слово, дает новое название любой вещи.

Различия между народной этимологией и «новой мотивацией» у «взрослых» и у детей проистекают из различий между «взрослым» и детским отношением к языку и миру. Для «взрослого» поведения и сферы интересов характерна сильная «специализация». Зачастую только особый интерес к слову или вещи может послужить основанием народной этимологии или «новой мотивации». (Впрочем, определенные социальные ситуации приковывают к языку внимание не только индивида, но и социума).

Язык приобретает определенные функции—от коммуникативной до «контактоустанавливающей», при которой резко убывает значение не только формы, но и семантики речений¹⁴. «Взрослое» отношение к миру, преимущественно, пренебрегает языком как объектом интереса, язык зачастую становится как бы «посредником» между человеком и объектами, имеющими более «серьезное» утилитарное или теоретическое значение. Интерес к языку, помимо отмеченных случаев, направляется при собственно языкотворческой деятельности.

Однако даже рассматриваемый как «средство» или «посредник», язык не допускает произвольного с собой обращения. Функционирование слова во многом определяется им самим, его мотивацией.

О значимости внутренней формы в процессе коммуникации говорит В. Н. Топоров, ограничивая ее, однако, в основном, сообщениями с эмотивной или поэтической функцией: «Случаи народной этимологии, заимствования, когда они ощущаются как таковые говорящими, слова с прозрачной внутренней формой, описательные слова и т. п. явления характеризуются тем, что помимо обычной информации, содержащейся в каждом слове, они несут дополнительную (поясняющую или указывающую на определенный стилистический ключ). В таком случае можно говорить о вкладе этимологически прозрачных единиц в акт коммуникации. Однако коммуникация такого рода имеет дело не столько с сообщениями с познавательной функцией, сколько с обменом сообщениями с эмотивной или поэтической функцией»¹⁵.

Слова «свои» и заимствованные, т. е. по-разному мотивированные, получают в языке различный статус. Р. Раск пишет: «Если слово выступает изолированно в одном языке, без каких-либо очевидных связей и без производных слов или с очень небольшим их количеством, и, напротив, в другом языке имеет ясные связи (если оно является производным или сложным) или имеет целый ряд производных (если оно является корневым словом) и кажется, таким образом, совершенно вплетенным в язык, тогда можно заключить, что это слово перешло из второго языка в первый»¹⁶.

¹⁴ Э. Бенвенист, *Общая лингвистика*, М., 1974, с. 216 и сл.

¹⁵ В. Н. Топоров, *Некоторые теоретические основания этимологического анализа* («Вопросы языкознания», 1960, №3).

¹⁶ Цит. по: В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях*, ч. I, М., 1960, с. 41.

Различия между «своим» и заимствованным словом проявляются при склонении, спряжении, сочетаемости, дифференциации значений синонимов¹⁷, а также в орфографии.

Существенным для употребления и развития слова оказывается не только тип мотивированности, но и фактор синхронной немотивированности. Отсутствие внутренней формы есть, в определенной степени, отсутствие внутриязыкового «ключа» к употреблению слова, оно оборачивается подчас аморфностью и зыбкостью содержания. Наличие большого количества слов, синхронно немотивированных, создает иллюзию произвольности как свойства языкового знака. Таким образом, синхронная немотивированность (в понимании некоторых теоретиков — произвольность языкового знака) может оказывать влияние на функционирование слова. Может быть именно в этом смысле следует трактовать мысль Н. Крушевского, сторонника концепции произвольности языкового знака: «Кроме сложности языковых единиц, наш анализ обнаружил еще другое их качество — это их неопределенность. Оба этих факта имеют громадное значение: целое, состоящее из подобных единиц, должно быть неустойчиво и способно к изменению; развитие языка определяется природой его элементов»¹⁸.

Сущность языка — выражение, поэтому форма этого выражения не может быть безразлична для говорящего человека. Однако особенности жизни языка, его использования, наличие у него множества функций, а также особенности отношения человека к языку, зачастую не как к «объекту», а как к «инструменту» познавательной, коммуникативной и др. деятельности способствует ослаблению интереса к собственно языку, концентрации внимания на деятельности, для которой язык — всего лишь «инструмент», «посредник».

Данные особенности жизни языка и отношения к нему человека обуславливают две противоположные тенденции: интерес к языку и безразличие к нему. Народная этимология, «новая мотивация» имеют своим источником непреходящий интерес человека к языку, направленность на него познавательных устремлений человека, противоположная же тенденция — безразличие к языку — порождает возможность принятия «непонятного», немотивированного синхронно слова, довольствования психической связью между словом и реальней.

На стыке этих двух тенденций и происходит, в некотором смысле, жизнь словаря языка — забвение внутренней формы, деэтимологизация, возможность употребления «непонятных» слов, с одной стороны, и оживление внутренней формы, «новая мотивация», учет мотивированности для употребления и развития слова — с другой.

Данные особенности жизни языка определяют возможность не только существования, но и функционирования внутренней формы, способа мотивации слова.

¹⁷ С. Ульман, *Дескриптивная семантика и лингвистическая типология* («Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962).

¹⁸ Н. Крушевский, *Очерк науки о языке*. Казань, 1883, с. 13.

Существенно влияние мотивированности на сохранение, в частности при наличии синонимов, а также выбор слова в индивидуальном говорении. Эти аспекты жизни слова взаимосвязаны, так как выбор возможен между словами, существующими в языке, а выбор сам обуславливает сохранение слова. Если длительное время слово не выбирается, оно может умереть для живого языка.

В. В. Левицкий анализирует жизнеспособность слова с точки зрения его мотивированности. Хотя и гипотеза о большей жизнеспособности мотивированного слова не может считаться доказанной, В. В. Левицкий отмечает, что мотивированное слово, в общем, оказывается жизнеспособнее немотивированного. Слово, мотивированное фонетически и семантически, оказывается более стойким, чем слово, мотивированное лишь одним из указанных способов; при соотношении немотивированного и семантически мотивированного слова второе часто вытесняет первое. Фонетически мотивированное слово часто не выдерживает натиска слова, мотивированного семантически, однако могут сохраниться оба слова. В. В. Левицкий считает, что «вопрос о том, является ли какой-либо вид мотивированности—фонетическая или семантическая мотивированность—сильнее, или же оба типа обладают равной силой, остается открытым и может быть решен только путем дополнительных исследований и наблюдений»¹⁹.

Актуален способ мотивации и при наличии двух синонимов, один из которых мотивирован «своим» словом или же не мотивирован синхронно, но осознается «своим» словом, а другой мотивирован словом иноязычным.

При сильном влиянии пуристических тенденций мотивация слова иноязычным эквивалентом оказывается слабее мотивации «своим» словом. «Свое» слово может выжить и в том случае, если истоки его мотивированности утрачены.

При ориентированности национальной культуры на «чужую» культуру, напротив, престиж слова «чужого», более «культурного» языка может оказаться сильнее престижа родного, пусть даже мотивированного слова.

При выборе и сохранении слова, естественно, не обязательно одно из них вытесняется другим, возможно также сохранение обоих слов в качестве синонимов. В данном случае мотивированность влияет на дифференциацию значений и употреблений этих синонимов.

Исследуя роль мотивированности значения в синонимических отношениях, Е. А. Иванникова приходит к следующим выводам: «В большинстве случаев именно в результате наличия мотивированности существует та или иная специфика в употреблении слов-синонимов, и учет мотивированности помогает понимать и выявлять эту специфику»²⁰.

¹⁹ В. В. Левицкий, Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях, с. 24—25.

²⁰ Е. А. Иванникова, указ. соч., с. 120.

Возможна и непрямолинейная обусловленность нюансов значения и употребления слов способом их мотивации.

Так, в некоторых словах, обозначающих людей по роду деятельности, носящей преимущественно интеллектуальный характер, внутренняя форма указывает на техническую сторону этой деятельности. Очевидно, именно эта особенность внутренней формы препятствует подчас приобретению этими словами «возвышенной» стилистики. В таком случае функцию подчеркивания «возвышенности» деятельности принимает на себя слово, не содержащее указаний на техническую сторону дела. Так, например, армянские слова գրող «писатель», նկարիչ «художник», քանդակագործ «скульптор» вполне заменимы в определенном контексте (когда ясно, о ком идет речь) словом վարպետ «мастер».

Способами мотивации обусловлены и различия в употреблении слов *рисовать* и *писать* (картину). Употребление слова *рисовать* по отношению к художнику может быть истолковано либо как языковая ошибка, либо как пренебрежительное отношение к деятельности данного художника. Внутренняя форма слова *писать* (картину) — то же слово в прямом значении — как бы подчеркивает, что суть деятельности художника не исчерпывается ее технической стороной. С другой стороны, прямолинейная мотивация формы *писатель* словом *писать* обуславливает возможность ее употребления для уничижительной оценки человека.

Неудовлетворенность мотивацией слова может привести, в определенной ситуации, к созданию его синонима, значения и употребления синонимов дифференцируются в соответствии со способом мотивации. Думается, что сам выбор способа мотивации или слова, исходя из способа его мотивации, обусловлен, в некотором смысле, типом речи: речь нейтральная и утилитарная может довольствоваться прямолинейной мотивацией или ее неосознанием, речь же, стилистически более яркая, стремится к более непрямолинейному способу мотивации и может, как представляется вероятным, предпочесть слово с неясной или нечеткой мотивацией слову с мотивацией слишком прямолинейной. Данные тенденции, впрочем, не чужды и речи бытовой.

Слово, мотивированность которого осознается говорящим, в своем употреблении ориентируется на внутреннюю форму. Так, по-русски возможно употребление выражения *патриот университета* в значении «человек, преданный университету», в армянском же языке такое употребление невозможно, ибо հայրենասիր «патриот» мотивировано словами հայրենիք «родина» и սիրելի «любить».

Мотивированное слово четче синхронно немотивированного соотносится с экстралингвистической реальностью. Как отмечает А. П. Журавлев, «фонетическая и семантическая мотивировки создают некоторые границы свободе действия семантических переносов. И хотя иногда переносы выплескиваются за эти границы, все же в общем разные виды мотивировки сохраняют свою регулируемую роль»²¹. Слово же, син-

²¹ А. П. Журавлев, Типы значений слова и их мотивированность, с. 25.

хронно немотивированное, ориентируется в своем функционировании на факторы экстралингвистические.

Функциональный аспект проблемы мотивированности слова привлекает к себе внимание исследователей. Так, например, Е. А. Иванникова пишет: «Мотивированность играет исключительно важную роль не только в становлении значений новых лексических единиц, но и в развитии и функционировании их», мотивированность отражается на «сочетаемости с другими словами и стилистическом употреблении»²².

Мотивированность слова или представление о таковой, возможно, не соответствующее реальным деривационным отношениям, не только оказывает влияние на функционирование слова (понимаемое как подбор означаемого в соответствии с означающим)²³, но и становится основанием для выводов экстралингвистического характера²⁴.

Э. Бенвенист разграничивает в проблеме мотивированности/производительности языкового знака две стороны: отношение между означаемым и означающим и отношение между знаком и элементом реального мира²⁵. Мотивированность лишь в отношении знака к элементу реального мира обуславливает ориентированность слова в своем функционировании на факторы экстралингвистические²⁶. Мотивированность же в отношении между означаемым и означающим предопределяет ориентированность слова в своем функционировании на фактор собственно языковой (способ мотивации). Причем, думается, что функционирование это происходит в двух формах²⁷, что связано с двумя путями смыслообразования или возникновения языкового значения, выражающегося в закреплении последнего за некоторым языковым элементом. Первый путь может быть охарактеризован как движение от смысла к слову, т. е. выделение некоторой реалии и подбор для ее выражения наиболее адекватной (или представляющейся наиболее адекватной) внутренней формы. Функционирование мотивированности в данном случае заключается в том, что выбор внутренней формы может быть предопределен не особенностями обозначаемой ею реалии, а способом ее мотивированности. Таков путь от смысла к слову, от реалии к знаку, такова первая форма функционирования мотивированности.

Возможен и второй путь смыслообразования: от слова к смыслу. В данном случае сама форма слова выступает в активной, смыслообразу-

²² Е. А. Иванникова, указ. соч., с. 120.

²³ Н. Ф. Пелевина, Языковая и внеязыковая мотивировки семантики языкового знака («Проблемы мотивированности языкового знака», Калининград, 1976).

²⁴ Г. А. Лиллч, Об особенностях семантики слова, заимствованного из близкородственного языка («Вопросы семантики», вып. 2, М., 1976).

²⁵ Э. Бенвенист, указ. соч. (глава VI. Природа языкового знака).

²⁶ Существенны также факторы, связанные с явлением «семантического поля».

²⁷ Речь идет о взаимоотношении между мотивацией слова и его употреблением, изменением значения и переносом обозначения.

ющен роли. Слово и его внутренняя форма интерпретируются независимо от его значения; слово получает новое значение, обусловленное способом его мотивации. Таков путь от слова к смыслу, такова вторая форма функционирования мотивированности слова.

ՔԱՌԻ ՊԱՏՃԱՌԱՔԱՆՎԱԾՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԳՈՐԾԱԾՈՒԹՅԱՆ
ՀԱՅԵՑԱԿԵՏԵՐԸ

ՕԼԵԳ ԳՐԻԳՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Լեզվական նշանի պատճառաբանվածության հարցում ընդունված է տարբերակել երկու կողմ՝ նշանակյալի և նշանակիչի և ամբողջությամբ վերցրած նշանի և արտալեզվական իրակության հարաբերակցությունը: Երկրորդ դեպքի պատճառաբանվածության պարտադրականությունը պայմանավորում է առաջինի ազատության հնարավորությունը (համաժամանակյա պլանով): Դրա հետևանքով լեզվում առկա են երկու տիպի բառեր՝ համաժամանակյա կտրվածքում նշանակիչի և նշանակյալի պատճառաբանված կամ չպատճառաբանված կապով: Այդ երկու տիպի բառերի գործառությունը տարբեր է. առաջինները գերազանցապես կողմնորոշված են դեպի արտալեզվական իրականության ոլորտը, իսկ երկրորդ տիպի բառերի գործածությունն ու զարգացումը կապված են նրանց նշանակիչի պատճառաբանվածության առանձնահատկությունների հետ: Այդ պատճառաբանվածությունն ազդում է բառի պահպանման, ընտրության, համանիշային հարաբերությունների և գործառության մյուս կողմերի վրա: Բառիմաստի զարգացման հետ կապված (նշանակման փոխանցում) պատճառաբանվածությունը գործառում է երկու ձևով. այն կամ որպես ներքին ձև կանխորոշում է բառի ընտրությունը տվյալ իրակությունը նշանակելու համար, կամ հանդես է գալիս իմաստակերտիչ ակտիվ գերով, այսինքն՝ կանխորոշում է հնչյունական ձևի իմաստային զարգացումը անկախ նրա արտալեզվական վերաբերումից: